

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.9>

Плаксицкая Наталья Александровна, Сапрыкина Маргарита Владимировна

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ТРАГЕДИИ Е. ЗАМЯТИНА "АТИЛЛА"

В статье рассматриваются особенности природно-звериных мотивов в трагедии Е. Замятина "Атиллa". Актуальность темы обусловлена тем, что этот вопрос не становился до сих пор объектом отдельного исследования, хотя зооморфные мотивы несут важную семантическую и символическую нагрузку, а не только выполняют функцию эффектного выразительно-оценочного средства. В работе обосновывается, что зооморфные мотивы в трагедии "Атиллa" являются средством обрисовки не только конкретного героя, укрупняя некоторые его черты, позволяя более ярко отразить особенности его характера, но и помогают писателю выстроить психотип отдельного народа, а также являются важным художественным средством воплощения замятинской историософской и поэтической концепции, в центре которой идея противостояния двух культур: римской, с одной стороны, с ее бездушностью, подлостью и лицемерием, и с другой - гуннов, которой присущи естественность и искренность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 48-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Кукаркина М. А. Словарь китайской мифологии. М.: Центрполиграф, 2011. 218 с.
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект; Мир, 2012. 331 с.
14. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.
15. Окладников А. П., Деревянко А. П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1973. 440 с.
16. Подмаскин В. В. Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 1. С. 94-105.
17. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
18. Старцев А. Ф. «Наследник» Золотой империи. Владивосток: Дальнаука, 2007. 204 с.
19. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 304 с.
20. Шавкунов Э. В. Культура чжурчженей-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
21. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит. И. Лубо-Лесниченко; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Наука, 1987. 528 с.

**MYTHOLOGEME “DEATH – RESURRECTION”
IN THE NOVEL “VARICOLOURED ARROWS OF SÜLDE” OF THE FAR EASTERN WRITER S. P. BALABIN**

Kirillova Elena Olegovna, Ph. D. in Philology
*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok
sevia@rambler.ru*

Feshchenko Dmitrii Sergeevich
*Far Eastern Federal University, Vladivostok
dm_bbk@bk.ru*

The article is devoted to analysing the first part of S. P. Balabin’s dilogy “The Golden Empire” reviving Primorye’s remote past when the Mongolian hordes crushed the powerful Golden Empire of Jurchen, which over the decades resisted bellicose Genghis Khan. By the material of the historical novel “Varicoloured Arrows of Süldé” devoted to medieval history and culture, the paper examines sacral beliefs and rituals, analyses the role of the mythologeme “death – resurrection” as meaningful, structure-forming. Its functioning is analysed in the context of the novel’s basic events, in the interaction with other elements of mytho-poetics, the main character’s story. It is shown that Ile’s image, the hero’s initiation are closely associated with the history of the Golden Empire, and broadly – with the universe; and the novel’s leitmotifs and recurring mytho-poetical images represent the conceptions of birth and death, eternity, universe, power, natural forces, etc.

Key words and phrases: S. P. Balabin; “Varicoloured Arrows of Süldé”; mythologeme “death – resurrection”; mytho-poetical images; The Golden Empire of Jurchen; Far Eastern literature.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 18.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.9>

В статье рассматриваются особенности природно-звериных мотивов в трагедии Е. Замятина «Атилла». Актуальность темы обусловлена тем, что этот вопрос не становился до сих пор объектом отдельного исследования, хотя зооморфные мотивы несут важную семантическую и символическую нагрузку, а не только выполняют функцию эффектного выразительно-оценочного средства. В работе обосновывается, что зооморфные мотивы в трагедии «Атилла» являются средством обрисовки не только конкретного героя, укрупняя некоторые его черты, позволяя более ярко отразить особенности его характера, но и помогают писателю выстроить психотип отдельного народа, а также являются важным художественным средством воплощения замятинской историософской и поэтической концепции, в центре которой идея противостояния двух культур: римской, с одной стороны, с ее бездушностью, подлостью и лицемерием, и с другой – гуннов, которой присущи естественность и искренность.

Ключевые слова и фразы: Е. Замятин; «Атилла»; зооморфные мотивы; мотив волка; мотив змеи; мотив птицы.

Плаксицкая Наталья Александровна, к. филол. н.
Сапрыкина Маргарита Владимировна
*Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
nplak@yandex.ru; saprykina.margarita@yandex.ru*

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ТРАГЕДИИ Е. ЗАМЯТИНА «АТИЛЛА»

С древнейших времен животные являются не только частью жизни человеческого общества, но и его культуры, в границах которой образы животных, насыщаясь определенной семантикой, отражают представления человека об окружающем мире: «В течение многих веков животные служили некой наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могли использоваться как определенная модель жизни

человеческого общества и природы в целом» [15, с. 448-449]. Образы животных, являясь одним из концептов культуры, кодируют в себе смыслы разных эпох и выступают в качестве схемы, воспроизводящей характер развития культуры на каждом ее этапе, а также отображают этапы становления системы духовно-нравственных и философских представлений общества. Становясь предметом осмысления в литературе, анималистические образы и мотивы помогают отразить сложный характер взаимосвязей природы и человека в условиях современной цивилизации, а также, углубляя и усложняя структуру произведения, не только воспроизводят картину быта, образ мысли и характеры героев, но и организуют мощный нравственно-философский подтекст произведения. Поэтому изучение функционирования зооморфной образности и мотивов в художественном произведении не только позволяет расширить представление об особенностях взаимоотношений человека и природы в историко-культурной парадигме, но и может быть подступом к осознанию специфики национальной художественной традиции, воплощенной в творчестве отдельного писателя, что и определяет **актуальность** нашей работы. Рассмотрение звериных мотивов в творчестве Е. Замятина как одной из слагаемых естественно-природной картины мира, являющееся **целью** настоящего исследования, может быть способом погружения в нравственно-философскую концепцию писателя, в которой скрыты заветные мысли о России, русском народе и русском характере. **Задачи** статьи: проанализировать зооморфные мотивы (волка, змеи и птицы) в трагедии, изучив специфику их функционирования.

Исследователи творчества Е. Замятина не раз отмечали, что в поэтике произведений писателя зооморфные мотивы являются значимым смысловым элементом, помогающим выстроить авторскую концепцию мира и человека [16; 17; 20]. Не исключение в этом отношении и трагедия «Атилла». Анализ зооморфизмов в идиоматике трагедии, занимающих доминирующее положение и несущих особую философскую, символическую и экспрессивную нагрузку, определяет **научную новизну** настоящего исследования.

Природно-звериные мотивы в пьесе Замятина развиваются сразу в нескольких направлениях: с одной стороны, звериный мотив будет связан с племенем гуннов, анималистическими маркерами которых становятся образы волка и медведя; с другой – зооморфизмы найдут свое отражение в характеристике их врагов, римлян и бургундов, их образными эквивалентами являются такие представители животного мира, как змея, собака, вши. Рассмотрим последовательно каждую группу образов.

Ведущим в трагедии Замятина является **мотив волка**. Он находит свое отражение в драматическом тексте уже с первого действия, где с волком сравнивается сам Атилла: «Ильдегонда. Прощай? / Но ведь я через год к тебе вернусь, / пусть варвар Атилла, *лютый волк* – / не тронет заложницы даже он» [8, с. 360] (здесь и далее курсив авторов статьи. – Н. П., М. С.). Семантику «волка» мы отмечаем в заглавном герое как в портретной характеристике, так и описании его поведения. Замятин подчеркивает у Атиллы волчий взгляд, волчьи повадки, он, будто волк, готов разорвать врага и предателя: «*Атилла*. Так – оба? Обоих догнать! В куски!» [Там же, с. 403]. Римлянин Вигила, жених красавицы Ильдегонды, дочери короля бургундов, оказавшейся заложницей у владыки Великой Скифии, называет Атиллу «звериным отродьем», «волком», «бешеным псом», а его народ, гуннов, по обыкновению пренебрежительно – «варварами», «рабами», «собаками», считая их диким, грязным, неотесанным народом: «Прочь, *варвары, рабы...* / Сперва пойдите *грязь с клешней отмойте*» [Там же, с. 360]. Зверем Атиллу называет и сама бургундка: «У вас, может быть, есть обычай, / чтоб женщины зверям давались. / У нас такого нет, ошибсь» [Там же, с. 368]. На протяжении всей трагедии в тексте неизменно будет присутствовать аналогия гуннов с волками. Действительно, образ жизни и поведение этого народа напоминают поведение животных: они рыщут, как звери («Рыщ! Рыщ!»), и едят сырое мясо: «*Атилла*. (*Максимино*.) Довольно, правда? Но у вас, у римлян, / они отвыкли мясо есть сырым, / как мы в походах...» [Там же, с. 372]. Такую характеристику гунны получают не только от римлян, они и сами себя сравнивают со зверями, но в другом ключе. Если для римлянина «зверь» означает «варвар», «дикарь» (например, в разговоре с послами Максимином и Вигиллой их так называет Приск: «Вигилла, дорогой – я уверен: все, что рассказывают про гуннов – это ложь. Эти милые *дикари* так почтительны со мной, что право, мне даже как-то неловко...» [Там же, с. 360]; «*Приск* (*Максимино*)... Мои дорогие, многуважаемые *варвары!*» [Там же, с. 361]), то для самих гуннов определение «зверь» олицетворяет силу и мощь натурально-природного мира. Так, приближенный Атиллы Едекон будет сам себя сравнивать с медведем: «*Едекон* (*Атилле*)... А весу во мне, что в добром *медведе!* Ого!» [Там же, с. 373]. Поскольку издревле медведь считался олицетворением здоровья и силы [5, с. 159-177], то в этой фразе одновременно подчеркнута как мощь сильного гунна, так и близость племени к природе. Гунны мыслят природно-чувственными, осязательными образами: «*Едекон* (*Вигиле с издевкой*). Держи крепче, пригодится: я этим ножом пощупаю у тебя сердце» [8, с. 368]. Вино у них, как кровь, а враг – «издох», как издыхают звери («*Издох* Аэций» или «ранен Рим, – но он еще *не сдох*» [Там же, с. 405]).

Звериное, природное начало, присущее натуре (характеру) далекого северного народа, будет прочитываться на языковом, фонетическом уровне. Так, гунны, будто волки, используя звукоподражания, одобрительно рычат «*Арра, Атилла! Арра!*», приветствуя вождя, как хищные звери они рычат на врага, желая растерзать его: «Ножом! *Аррчь его!* В клочь! В хрупь!» [Там же, с. 373]. Сравнивая скифский народ с этим животным, писатель подчеркивает его связь с природой, где царят естественные, справедливые законы. При реализации мотива волка Замятин опирается на языческие представления о звере, который в скифско-сарматской этнической культуре является тотемным животным и наделяется положительными качествами. Для гуннов волк – это неутомимый боец, сильный, мужественный, свирепый, жестокий, храбрый, свободный в своих желаниях, именно такие качества должны быть у настоящего воина. Неслучайно, что через всю трагедию

проходит связанный с мотивом волка *мотив свободы*, поэтому как оскорбление гунны воспринимают именование «раб». «Сверкающие волчьими огнями» глаза – одна из характерных деталей портрета гуннов, знак их внутренней свободы, «волчьими огнями» горят и глаза римских рабов, мечтающих сбросить невольничьи цепи: «Ты только вверх глядишь, на паруса: взгляни-ка вниз! Взгляни, и ты увидишь – *глаза сверкают волчьими огнями, и люди на цепи, как псы, как звери*, всю жизнь гребут, согнувшись...» [Там же, с. 397].

Атиллу готов разрушить «под синим небом белые дворцы» Рима, чтобы построить новый мир, где все смогут жить свободными: «Я хочу, чтоб жили все... хочу, чтоб жили и они (рабы. – *Н. П., М. С.*)» [Там же]. Однако, как справедливо отмечает Е. А. Лядова, разрушитель Атиллу «не в буквальном смысле этого слова, не варвар, испытывающий звериное наслаждение хаосом, а разрушитель мешанского духа, рабской угодливости и самоуверенной успокоенности. Разрушение для него – это не просто физическое уничтожение чего-то изящного и прекрасного, а духовное неприятие, отвращение к устоявшимся формам бытия» [13, с. 32]. Он пришел в этот мир, чтобы его изменить, и отступить сейчас он не может: «Мне теперь уйти и мир оставить прежним?» [8, с. 396]. Он входит в город как освободитель: «Сво-бод-ны», – кричит римский раб Гоур, ибо последний час настает «не для рабов, а для них – римлян» [Там же, с. 376].

Свободному, дикому гунну Атиллу, выросшему в полях и бескрайних степях, претит заточение в каменной башне, поэтому он хочет принять бой «не в клетке», а в поле, «на равнинах Каталауна», ведь «в замятинском “скифе” синтезируется вечная скифская жажда воли и духовного раскрепощения, еретическое стремление к преобразованию мира» [6, с. 37] и «высшее духовное выражение инстинкта личной свободы, изначально присущего человеку» [Там же, с. 30].

Образ «свободного волка» получает оппозицию в образе пса, что придает дополнительный смысловой оттенок в трактовке темы свободы. В пространстве трагедии волк становится символом дикого, т.е. неприрученного, свободного зверя, а пес, как одомашненный волк, станет символом закованного, невольного животного, исполняющего приказы человека. Думается, именно поэтому Атиллу назовут «бешеным псом» его враги, стремящиеся «надеть цепи на скифов», приручить их. Следует еще раз отметить, что в концептосфере Е. Замятина звериное не несет отрицательной коннотации, поскольку, как верно заметила Н. Н. Сутягина, по представлениям писателя, в гуннах печать «звериных» качеств символизирует не жестокое и агрессивное, а «живое начало в человеке» [20, с. 256]. Кроме того, агрессивно-жестокую коннотацию звериного в этом народе снимает мифопоэтическая подоплека сюжета замятинской драмы, ведь волк у многих народов (тюркских, славянских) выступал символом свободы, независимости в природном мире, а волчья стая издревле олицетворяла боевую дружину, так как наряду с жестоким нравом, безжалостностью с этим образом ассоциировались также такие качества, как сила, бесстрашие и победа. Поэтому в исторической трагедии Е. Замятина вождь Скифии не прячется за спинами своих воинов, он ведет их и сражается впереди всех: «Еще жив, но он (король бургундов. – *Н. П., М. С.*) бьется сейчас на стене, / Откуда никто не уйдет живым: / Сам Атиллу там – впереди своих» [8, с. 379].

В текстах древних историков и народных преданиях, на которые, скорее всего, опирался Е. Замятин при написании трагедии, об Атиллу сохранилась память как о справедливом человеке, покровителе бедных, ненавистнике римского лицемерия. Он предстает мудрым правителем, «доступным для последнего из своих подданных» [Там же, с. 366]. Поэтому, когда на прием к вождю гуннов приходит «за управой» «какой-то голяк», оратай Дулеб и рассказывает, что один из ближайших кметей Атиллы, Ятвяг, взявши дань раз, приехал за ней снова и иссек отказавших ему оброчных, «коих до смерти, коих до крови», то Атиллу, не терпя такого самоуправства от своих кметей, спокойно приказывает Ятвягу: «Пойди, убей себя. Сейчас же!», – заявляя, что честному человеку страшен он не будет – только неправде: «*Дулеб. Ты милостив, князь... и страшен. / Атиллу. Не тебе: неправде. Иди*» [Там же].

Ссылаясь на записи историка Приска Панийского, Замятин пишет, что «по этим записям... общественное устройство» варваров «описывается, как более справедливое», нежели устройство просвещенного Рима: «Пусть подождут. Мы варвары, что делать? / Ты знаешь мой обычай – по порядку: / Кто раньше всех пришел – того веди» [Там же, с. 365]. Демократический принцип следования живой очереди противопоставлен иерархическому устройству Римской империи: Атиллу нарочито подчеркивает разницу между гуннами и римлянами даже в вопросах этики, иронически акцентируя свой культурный статус: «Мы *варвары*, что делать!».

У этих «дикарей» не принято юлить, хитрить, Атиллу сам честно говорит правду в глаза и не терпит лицемерия от других:

«Атиллу (нахмурившись). Что сказал?

Онोगост. Чтоб шел он... (поймав взгляд Атиллы). Нет, чтоб стоял... то есть так и эдак: чтоб стоя шел.

Атиллу. Зови его сейчас же... ты, двухязыкий!» [Там же].

В эмоциональном и грозном обращении Атиллы к своему приближенному «двухязыкий» подчеркнуто одновременно неприятие лицемерия и двуличности Оногоста, но, кроме того, обращение «двухязыкий» ассоциативно отсылает читателя к образу хитрой змеи, у которой, как известно, раздвоен язык, а змея у гуннов ассоциируется с их вечными врагами – римлянами: «Ехидна и змея – одно. / Союзники бургунды с Римом» [Там же, с. 370]. Но гунны как воины, поистине обладающие честью, отдают дань уважения даже собственному врагу, если он того заслуживает, ибо «хороший враг – милее друга» [Там же, с. 367], не зря Атиллу открыто говорит, что враг его, Аэций, «ста тысяч (воинов. – *Н. П., М. С.*) стоит» [Там же, с. 396].

Гунны порицали трусость и предательство, а жить в бесчестии, с позором считалось хуже смерти, поэтому владыка Скифии рассудил, что смерть для предателя Вигилы, посланного «с миром» «в посольской шкуре», а на самом деле – чтобы убить Атиллу, – честь, которой тот не заслужил: «*Истла (Атиллу). Ты лучше бы его*

убить велел. / *Атилла*. Не много ль чести?» [Там же, с. 374]. Для Е. Замятина мир гуннов – «не мрак хаоса и дикости, а вполне обустроенный мир человека, выстроенный в тесном соответствии с законами природы... вполне культурный мир, который кажется варварским с точки зрения высокомерного римлянина» [10, с. 99].

Если образным выражением гуннов становятся волки и медведи, то эквивалентом старого «беззубого» Рима и его союзников является лисица как символ хитрости, лицемерия, пронырливости: «*Едекон*. Нишшь! (*Стражи замолкают. Максимино*). Ты не гневишься на них: как *лисий*, так они ваш римский дух не терпят. Я им сказал, чтобы носы зажали и отошли подальше» [8, с. 362]. Посланники Рима предстают поистине двуличными хитрецами, они, желая Атилле здравствовать, тем временем в тайне готовят на него покушение и подкупают кметей владыки Скифии: «*Атилла*. Так вот как мира хочет Рим? / В руках письмо, а за спиною нож? / Послы затем, чтобы нанять убийцу? / Убить меня, чтоб скифов заковать» [Там же, с. 374].

Двуличным и трусливым оказывается и римский поэт Марулл: еще недавно он слагал оды для Ильдегонды и ее отца, но теперь, когда Атилла одержал победу и захватил городскую башню, поэт бросается торопливо слагать оду и преклоняться перед гуннским вождем, своим новым «владыкой»: «*Марулл (появляется)* Атилла, ты! Тебя искал я всюду! / *Атилла*. Зачем? / *Марулл*. Затем лишь только, чтобы сказать: / привет тебе, Атилла, богоравный... / Что я? – все боги перед тобой – мальчишки!» [Там же, с. 384].

Замятин сравнивает римлян со вшами, которые являются в народном сознании символом чего-то противного и нечистого. В мифологической традиции вшам приписывалась хтоническая природа, они имели тесную связь с блохами, змеями, червями, раками [5, с. 416-436]. Со вшами в трагедии сравнивается поведение продажного поэта Марулла: «Оставьте! Или мало вшей у вас, – / Еще одну хотите завести?» [8, с. 385].

Жизненная позиция римлян – паразитировать на другом человеке, использовать труд рабов – дает право Атилле не просто сопоставить их со вшами, но и, следуя ритуально-мифологической традиции, где нечистых насекомых необходимо было изгонять, скифский вождь хочет стереть «нечестивый» Рим и римлян с лица земли.

Такими контрастными предстают перед читателями просвещенные римляне и их союзники и дикари гунны: одни – трусливые и лицемерные, другие – презирующие ложь, несправедливость и двуличие, почитающие храбрость и свободу. Поэтому сближение гуннов с волками в первую очередь подчеркивает могучее и естественно-природное начало в этом далеком и непонятном для римлян народе, а также служит средством раскрытия и одновременно сопоставления двух культур: варварской, гуннов, и римской, находящейся на более высоком уровне развития, более цивилизованной. Но в этом сравнении гунны, в которых природное начало преобладает, превосходят римлян как в физическом, так и в духовном плане, это не только сильные воины, но и внутренне цельные, открытые люди со стойкой системой нравственных ценностей.

Достоин Атилле в трагедии, действительно, становится лишь гордая Ильдегонда, обладающая таким же сильным, несгибаемым характером, как и скифский правитель: «*Ильдегонда*. А разве ты не слышишь? Или ты еще не понял: Только двое равных – это ты и я» [Там же, с. 399]. Характеризуя бургундскую принцессу, Замятин тоже обращается к зооморфизмам. С красавицей Ильдегондой в драме связан *мотив змеи*, отсылающий к библейскому образу змея-искусителя, соблазнившего человека и символизирующего коварство и лукавство. Такой предстает в драме и бургундская принцесса, покорившая сердце правителя Скифии: «*Ильдегонда*. А змея безоружна? Я буду змеей: / раздвоится, станет змеиным мой язык. / Из себя я улыбку выжму, как яд... / Я сумею его обмануть» [Там же, с. 398].

Атилла пленяется ее красотой, независимым характером, острым языком, увидев в ней равную себе по силе духа: «Ты стоишь того, чтобы при мне сидеть» [Там же, с. 369]. Наличие у Ильдегонды качеств, импонирующих скифскому вождю, отмечается в разговоре с Вигилой: «...мои руки не так нежны, как твои, / не умею играть на лютне я – / но умею играть копьем, ножом...» [Там же, с. 362]. Но «по мере развития действия негативные качества принцессы постепенно проявляются и усиливаются, заставляя изменить первоначальную позитивную оценку ее нрава» [13, с. 20]. Произшедшая «перемена в рамках оппозиции “жертва-мститель” ведёт к выявлению у Ильдегонды “змеиных” черт характера и, как следствие этого, к изменению её оценки окружающими» [Там же, с. 21]. Даже очарованный принцессой Атилла отмечает в ней двуличие: «Ты вьешься, змея, лжешь» [8, с. 399]. Змеиное, лживое, опасное начало в полной мере проявит себя в бургундской принцессе в последнем действии, где, прикинувшись влюбленной и покорной, Ильдегонда, движимая чувством мести, ножом, как змеиным жалом, лишит жизни скифского вождя.

Мотив змеи в драматическом тексте переплетается с *мотивом судьбы*, который просматривается в злом роке, тяготеющем над гуннским правителем и настигающем его в финале трагедии. «Богоравный» Атилла не верит во власть судьбы, считая, что все ему по плечу, что сила его личности способна поменять, переломить ход жизни и «судьба его будет служить ему»: «Судьба? Судьбу согну я, как лук, / тетиву оплету из ее волос – / судьба моя будет мне служить!» [Там же, с. 369].

Сюжет трагедии развивается, будто судьба Атиллы была предreshена задолго до финала, грядущее просматривается уже в первом действии в диалоге Атиллы и Ильдегонды:

«*Атилла (не слышит, или не слушает. Ильдегонде)*.

В лесу волчок я раз поймал:

теперь он ходит за мной ручной.

Ильдегонда.

В лесу раз волк на меня напал,

его кости я зарыла под сосной» [Там же].

Неуправляемость и стремительность судьбы героя подчеркиваются метафорой «конь судьбы» («Еще миг, как волос тонкий, / натянутый как струна, / и конь судьбы помчится, / копытом давя людей...») [Там же, с. 363]), что дает возможность тоже предположить роковую обусловленность жизни Атиллы.

Предопределенность человеческого существования в естественно-природном мире гуннов, где восприятие окружающей действительности осуществляется на интуитивно-чувственном уровне, передается через *мотив предчувствия*: нехорошее предвидит верная жена гуннского правителя Керка, сердце ее то и дело «сжимается» в страхе («Пусть всю ночь огни горят. Я боюсь...») [Там же, с. 407]; «Молчит она (об Ильдегонде. – Н. П., М. С.) – страшно мне. Весела – еще страшнее» [Там же, с. 411]); о коварстве Ильдегонды Атиллу предупреждает римский раб Камель («Ты кладешь себе в постель змею» [Там же, с. 400]), дурное отмечают приближенные Атиллы («*Оногост*. Ой, к худу! (о смерти коня Атиллы. – Н. П., М. С.)») [Там же, с. 406]). История со смертью любимого вороного коня Атиллы ассоциативно отсылает читателя к «Песне о вещем Олеге» А. С. Пушкина, где гибель героя напрямую связана с образом змеи: смерть коня князя Олега стала проявлением злого рока и точкой невозврата в судьбе героя, после которой он непременно должен был принять смерть:

«Так вот где таилась погибель моя!

Мне смертию кость угрожала!»

Из мертвой главы гробовая змия,

Шипя, между тем выползала;

Как черная лента, вокруг ног *обвилась*,

И вскрикнул внезапно ужаленный *князь*» [18].

Свою погибель гуннский вождь примет от Ильдегонды, которая, подобно змее, ужалит героя в сердце («*Оногост*. Змея – она кольцом, конечно, так... <...> И если клонет в сердце...») [8, с. 371]), лишит его жизни и станет той судьбой, догнавшей героя. Таким образом, мотив судьбы в трагедии персонифицируется в образе бургундской принцессы, имя которой становится синонимично понятию «рок».

Еще одним мотивом, звучащим параллельно с мотивом змеи-судьбы, является *мотив хищной птицы*, трансформирующийся в трагедии в *мотив птицы, предвестницы беды*. В тексте не раз присутствуют упоминания различных птиц: это и сарыч – хищная птица, похожая на ястреба, птичкой названа и Ильдегонда («*Едекон*. Уж от меня бы птичка не улетела...») [Там же]), о злых птицах говорит и бургундская принцесса: «*Ильдегонда*. Как злые птицы – беды отовсюду слетелись, клюют» [Там же, с. 380]. Образ злых птиц, слетевшихся на беду, ассоциируется, в первую очередь, с птицей-вороном, летящим на падаль, неслучайно в разгар военных действий появляется «трупная птица... с зловещим криком», которая в культуре и мифологии воспринимается как «хтоническая, демоническая, связанная с царством мёртвых и со смертью, с кровавой битвой» и «выступает предвестником зла» [15, с. 245]. «Злая птица» служит в тексте еще одним примером предчувствия, задавая своим присутствием дальнейшее восприятие сюжета в соответствии со своим образно-символическим содержанием.

Рассмотренные функции зооморфных мотивов в трагедии «Атилла» дают возможность утверждать, что они не только индивидуализируют характеры героев, но и моделируют психотип целого народа, а также организуют мощный нравственно-философский подтекст произведения: зверино-природные мотивы помогают воплотить центральную идею историко-философской и поэтической концепции Е. Замятина – сопоставление двух культур. В трагедии на мотивном уровне противопоставлены Римская империя и молодой варварский Восток, позиционирующие разное миропонимание и нравственные ценности: бездушные и лицемерие, с одной стороны, искренность и естественность – с другой. В этом сопоставлении симпатии Замятина на стороне гуннов, в которых писатель видел не дикарей, а народ самобытной культуры, имеющий свои корни и традиции, обусловленные близостью к миру природы.

Список источников

1. **Бедненко Г.** Образ волка у индоевропейцев [Электронный ресурс]. URL: <http://mythodrama.indeep.ru/theory/wolf.html> (дата обращения: 25.04.2019).
2. **Бобринский А. А.** О некоторых символических знаках, общей первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М.: Изданием А. И. Вахрамеева, 1902. С. 66-76.
3. **Гольд Р.** Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е. И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы «Атилла» // Russian Studies: ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 2. С. 322-350.
4. **Грушко Е. А., Медведев Ю. М.** Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2005. 207 с.
5. **Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
6. **Давыдова Т. Т.** Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы 1910-1930-х годов: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 41 с.
7. **Ерыкалова Е. И.** К истории создания пьесы Е. И. Замятина «Атилла»: взгляд из сегодня: в 6-ти кн. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1997. Кн. III. С. 137-158.
8. **Замятин Е. И.** Атилла // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2004. Т. 3. Лица. С. 358-419.
9. **Келдыш В. А.** Е. И. Замятин // Замятин Е. Избранные произведения. М.: Сов. писатель, 1989. С. 12-36.
10. **Комлик Н. Н.** Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2000. 265 с.
11. **Королев К. М.** Энциклопедия символов, знаков, эмблем. СПб.: Мидгард, 2005. 602 с.

12. **Лядова Е. А.** Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е. Замятина «Атилла»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2000. 24 с.
13. **Лядова Е. А.** Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е. И. Замятина «Атилла»: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2000. 185 с.
14. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 1. 672 с.
15. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. 719 с.
16. **Полякова Л. В.** О «скифстве» Евгения Замятина: художник в полемике «западников» и «славянофилов». Контур проблемы // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14-ти кн. / под ред. Л. В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. Кн. VII. С. 12-46.
17. **Попова А. В.** Образ волка в творчестве Е. Замятина (на материале романа «Бич Божий») // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности (к 150-летию Е. И. Замятина): материалы Международного конгресса литературоведов / отв. ред. Л. В. Полякова. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 654-658.
18. **Пушкин А. С.** Песнь о вешем Олеге [Электронный ресурс] // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20-ти т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2. URL: <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=zv6gnBAoLgw%3D&tabid=10326> (дата обращения: 27.04.2019).
19. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения Российской академии наук. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.
20. **Сутягина Н. Н.** К проблеме анимализма художественной прозы Евгения Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14-ти кн. / под ред. Л. В. Поляковой. Тамбов: Издательство ТГУ, 2004. Кн. XII. С. 256-257.

ZOOMORPHIC MOTIVES IN YE. I. ZAMYATIN'S TRAGEDY "ATTILA"

Plaksitskaya Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Saprykina Margarita Vladimirovna
Bunin Yelets State University
nplak@yandex.ru; sapryckina.margarita@yandex.ru

The article examines the peculiarities of zoomorphic motives in Ye. I. Zamyatin's tragedy "Attila". Relevance of the study is determined by the fact that this problem has not previously attracted researchers' attention, though zoomorphic motives, being an efficient expressive-evaluative means, also bear important semantic and symbolic load. The paper argues that in "Attila", zoomorphic motives are not only techniques to describe a personage, emphasizing his individual features, clearly representing the peculiarities of his character. These motives help the writer to reconstruct the psychological type of a nation and serve as an important artistic means to implement Zamyatin's historiosophical and poetical conception the essence of which is the idea of confrontation of two cultures: Roman, on the one hand, with its heartlessness, meanness and hypocrisy, and, on the other hand, Hunnic, characterized by naturalness and sincerity.

Key words and phrases: Ye. I. Zamyatin; "Attila"; zoomorphic motives; wolf motive; snake motive; bird motive.

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6
<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.10>

Дата поступления рукописи: 11.06.2019

В статье впервые на основе всех известных к настоящему времени рукописей рассматриваются история создания, а также проблемы редакций литературного источника рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог»; вводятся в научный оборот ранее не учтенные архивные материалы. Формирование элементов поэтики этого произведения прослежено полно и всесторонне, по всему рукописному фонду, в отличие от сложившейся научной традиции: предшественники обращались только к выборочно опубликованным фрагментам. Автором представлен новый взгляд на осмысление писателем литературного источника рассказа – рождественской сказки «Отец Мартин» французского писателя Рубена Сайяна (Ruben Saillens). На художественно-биографическом материале показано, каким образом эта работа отвечала эстетическим и нравственно-философским воззрениям Толстого, раскрывала его гражданскую позицию.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; «Где любовь, там и Бог»; датирование; редакция; вариант; история текста; поэтика; литературный источник; Рубен Сайян (Ruben Saillens); жанр рождественского рассказа.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
u_sizova@bk.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПОЭТИКА РАССКАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО «ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ»

Целью статьи является анализ истории создания, поэтических особенностей рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» (17 марта – 17 мая 1885 г.). Впервые к изучению привлечен весь рукописный фонд произведения. В его составе шесть документов, рукопись [11] и четыре копии [12-16]; вторая состоит